

Глава 9: Неловкий разговор

Всё вышло именно так, как я и предполагал: даже когда ужин начался, никто не пытался заговорить.

Тишина стояла такая, что слышался лишь стук тарелок и приборов.

Есть ли вообще смысл есть вместе? Я думал об этом совершенно серьёзно.

Может, все молчат из-за моего присутствия, а может, разговоров здесь и прежде не водилось? В любом случае, я мог с уверенностью сказать: нужды в этой трапезе не было никакой.

Не начать ли сказываться больным и не отказываться ли в следующий раз? Это доставит хлопот стоящему позади Косаке, но, если такое будет повторяться, я и впрямь заболею.

Даже блюда, которые должны быть вкусными, на вкус — как песок. Никакого удовольствия.

— ...Тебе не нравится еда?

Когда я механически, словно на конвейере, подносил пищу ко рту, отец едва слышным шёпотом задал вопрос. Видимо, он обращался ко мне. Решив так, я проглотил то, что было во рту.

— Нет. Очень вкусно.

Скажи я «невкусно»

— голове повара не сносить. Вкуса нет из-за атмосферы, так что вины приготовившего здесь нет.

— Вот как.

Когда я произнёс оценку, прямо противоположную правде, напряжение отца немного спало. Похоже, мой ответ пришёлся ему по душе. Хорошо, что мне удалось сохранить невозмутимое лицо.

— А что тебе нравится?

Я думал, разговор на этом закончится, но последовал новый вопрос.

Судя по ходу беседы, меня спрашивают о любимой еде. Но зачем им знать мои предпочтения?

Я застыл, не понимая, что они задумали, и тут краем глаза заметил побелевшее лицо шеф-повара. Он отчаянно молился, глядя на меня. Похоже, каким-то образом от моего ответа зависела его участь — он мог оказаться в большой беде.

— ...Мне нравится любая еда в этом доме.

Наверное, это образцовый ответ? Судя по тому, что он успокоился, я угадал.

Вообще-то любимая еда у меня есть. Но озвучь я её здесь — только испорчу и без того тяжёлую атмосферу. По крайней мере, на такую заботу я способен.

Тушёный удон, который готовила мать. Если бы я это сказал, стали бы его готовить? Нет, совершенно точно — никогда.

Когда я вернулся к еде, в меня со всех сторон впились взгляды. Они летели с трёх направлений — так и хотелось закричать: «Что я опять сделал?!»

Раз так, нужно побыстрее разделаться с блюдом передо мной и, хоть это и невежливо, удалиться первым.

— Почему ты начал тренироваться?

Я хотел ускорить свой конвейер, но, будто заметив это, на этот раз заговорил старший брат.

Зачем им это знать, какой в этом смысл — хотелось спросить в ответ. Но, впрочем, скрывать тут нечего.

— Захотелось немного прибавить в росте и нарастить мышцы.

— Почему?

— Потому что такое тело лучше, чем это слабое, разве нет?

Снова молчание. Почувствовав себя как на допросе, я решил слегка кольнуть в ответ и открыл рот.

— Не могу же я оставаться хилым. Я хочу стать таким, как отец и старший брат.

Каков бы ни был их характер, телосложение у них идеальное.

Набери я ещё немного мышц — это будет тот образ, к которому я стремлюсь.

— В-вот как. Похожим на нас...

— Р-разве это не хорошо?

Голоса отца и старшего брата дрогнули от радости.

Что именно их так обрадовало — непонятно, но, наверное, это лучше, чем несправедливый гнев.

Когда я уже собирался съесть последний кусок мяса с тарелки, с хлюпающим звуком что-то прилипло к моей щеке. Затем оно скользнуло вниз по пиджаку и упало на пол.

Это был тот самый кусок мяса, который я как раз намеревался съесть.

Он откуда-то прилетел и попал в меня. Сам по себе он появиться не мог — значит, кто-то его кинул.

Я посмотрел в ту сторону — виновник сжимал кулаки и дрожал.

Пока Косака вытирал испачканное место, я слегка наклонил голову.

— В чём дело?

Подняв руку, чтобы успокоить засуетившихся окружающих, я ждал ответа от младшего брата. Но Косака, похоже, всё равно остался недоволен, так что я взглядом призвал его успокоиться.

— Почему ты всё время пялишься только на него?!

Видимо, это моё действие окончательно вывело его из себя. Прокричав это так, будто у него началась истерика, он вдруг схватил горсть гарнира из овощей.

Он уже собирался швырнуть и это, но тут Косака, заслоня меня, выступил вперёд.

— Отвали, старикашка!

Каждое действие Косаки, похоже, лишь подливало масла в огонь ярости младшего брата. Тот с ненавистью замахнулся, и я отвернулся — не хотелось получить овощами в глаза.

— Хватит уже!

Но прежде чем он успел бросить, прозвучал гневный окрик отца.

— Что ты ведёшь себя как ребёнок?

Старший брат тоже разочарованно, достаточно громко, чтобы было слышно, выдохнул.

Я удивился: объектом этого оказался не я, а младший брат. До сих пор в любой ситуации виноватым всегда оказывался я.

— Молодой господин Со, давайте скорее переоденемся.

— Ах, да. ...Хотя ужин ещё не окончен, я вынужден откланяться.

Пиджак густо вымазан мясным соусом — так что, наверное, эту одежду выбросят. Хотя после химчистки она стала бы чистой, видимо, здесь считают, что лучше купить новую, чем возиться с чисткой. Я до сих пор не могу привыкнуть к денежному мышлению богатых.

Но я был благодарен, что испачканная одежда дала мне повод уйти с этого ужина. Ситуация неловкая — все злы, но дальше пусть разбираются сами, это их семья.

Когда я сообщил, что ухожу, и отец, и старший брат выглядели так, будто не хотели меня отпускать, но, взглянув на грязную одежду, дали разрешение.

— ...Давай ещё как-нибудь поужинаем вместе.

На эти слова я не ответил, лишь слегка поклонился.

Выходя из комнаты, я сквозь щель закрывающейся двери встретился взглядом с младшим братом.

В его лице была не только злость — он выглядел как потерявшийся ребёнок, и это выражение врезалось мне в память.